

К 100-летию Первой мировой войны

А.В. Харламенко

Часть первая. Война против революции, пролетариат против войны

Война и кровопролития нужны правящим классам – рабочие всех стран требуют мира во что бы то ни стало. И мы, русские рабочие, братски протягиваем руку рабочим всех других стран и сливаемся в общем с ними протесте против позора наших дней – войны.

Из обращения большевиков-депутатов IV Думы к Базельскому конгрессу II Интернационала, ноябрь 1912 г.

1.

Проблема соотношения межгосударственной войны и социальной революции, поставленная трагедией 1914 г. как в практическо-политическом, так и в историко-теоретическом аспекте, до наших дней остается вызовом идейной и политической состоятельности всех, кто называет себя левыми, революционерами и тем более коммунистами. Всесторонне рассмотреть эту проблему в рамках статьи невозможно. Ограничимся пока одним аспектом, первичным исторически и логически: взаимодействием межимпериалистических противоречий и международного предреволюционного кризиса в процессе возникновения войны.

Основы научной концепции Первой мировой войны были заложены пролетарскими революционерами-интернационалистами, прежде всего В.И. Лениным. С тех пор в марксистской исторической науке, в первую очередь советской, первостепенное внимание уделялось межимпериалистическим противоречиям как основной, если не единственно существенной, причине мировой военной катастрофы. Эта концепция раскрыла качественно новое содержание Первой мировой войны как империалистической, обосновала с позиций пролетариата ее несправедливость с обеих сторон, с полным правом возложила ответственность за трагедию народов на монополистическую олигархию и сросшиеся с ней правящие «элиты» всех «великих» держав. Тем самым она сыграла всемирно-историческую роль в победе Великого Октября, создании мирового коммунистического движения. В наши дни, когда ленинская концепция Первой мировой войны вновь подвергается яростным атакам справа, необходимо еще раз подчеркнуть, что она верно отражает объективную историческую реальность и, как всякая объективная истина, не подвластна конъюнктуре.

Но столь же верно и другое положение марксистско-ленинской теории: истина есть процесс. Это в полной мере относится к историческому знанию. По мере развития общественной практики и неразрывно с ней связанной науки, исторические события поворачиваются к нам новыми сторонами. Даже от самых выдающихся современников эти стороны были если не скрыты, то заслонены первоочередной «зlobой дня», подобно темной стороне Луны, невидимой землянам до эпохи космических полетов. Рассматривая события с исторической

дистанции, мы не только вправе, но и должны обогащать объективную истину, открытую предшественниками, новыми сторонами, которые востребуются развивающейся практикой.

Представляется, что роль межимпериалистических противоречий в возникновении крупных, тем более мировых, войн, будучи неоспоримой, не должна абсолютизироваться. В этом убеждают уже общетеоретические соображения. Как неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма, внешняя политика эксплуататорского государства всегда, в конечном счете, подчинена необходимости поддержания классового господства над «внутренним врагом». В еще большей мере это относится к крупным войнам, которые всегда были, по верному выражению одного из деятелей 1914-1918 гг., *«слишком серьезным делом, чтобы доверять его генералам»*.

Даже при зрелости всех межгосударственных предпосылок большой войны господствующий класс – за которым так или иначе последнее слово – решается на столь рискованное дело, как правило, лишь в тех случаях, когда к его грабительским устремлениям на международной арене добавляется *внутренняя* угроза его господству, достаточно серьезная, чтобы отвести ее не представлялось возможным иначе как внешней войной, но еще не настолько сильная, чтобы связать руки поджигателям войны. Эта закономерность проявлялась уже много столетий (в частности, ее действие убедительно показал Б.Ф. Поршнев, исследуя эпоху Тридцатилетней войны XVII в.). На этапе капитализма, когда экономический базис общества, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, из преимущественно консервативного становится по существу революционным, угроза господству правящего класса тоже приобретает именно революционный характер.

Понятно стремление буржуазных историков обойти борьбу революции и контрреволюции при рассмотрении всех исторических событий, кроме тех, где это попросту невозможно. Труднее понять ту же тенденцию у авторов, считавших себя марксистами. Применительно к революционному XX веку можно утверждать: если война рассматривается *только* как результат межимпериалистических противоречий, без учета борьбы революции и контрреволюции как ключевого фактора политики этой эпохи, смещаются все пропорции исторической картины. Если же рассматривать мировую войну и мировую революцию как диалектическое единство противоположностей, качественные и количественные параметры обоих процессов выявляются существенно полнее, чем при подходах, метафизически отрывающих противоположности друг от друга.

В эпоху империализма речь идет уже о перспективе социалистической революции при ведущей роли пролетариата. Революционная ситуация, по крайней мере европейского масштаба, сложилась, согласно В.И. Ленину, в ходе Первой мировой войныⁱ, а перспектива ее пролетарско-социалистического разрешения реально обозначилась в последний год войны и после нее. Однако при внимательном рассмотрении событий выясняется, что ***предреволюционная*** ситуация складывалась в европейском и потенциально мировом масштабе уже в годы, предшествовавшие войне. Более того: «великий страх» господствующих классов перед обретавшим плоть призраком революции оказывается первостепенным фактором, существенно влиявшим на разрешение международных коллизий. В прозорливом предупреждении Ф. Энгельса: ***«Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции»***ⁱⁱ, – для эпохи империализма перестает быть уместным категоричное «только», но в целом подчеркнутый им контрреволюционный аспект мировой войны остается столь же, если не более чем раньше, необходимым условием ее возникновения.

2.

Уже возникновение «детонаторов» мировой войны – эльзас-лотарингского и балканского – вряд ли может быть объяснено одними лишь захватническими вожделениями «германской империи прусской нации» (Ф. Энгельс) и других держав. Бисмарку нельзя отказать в умении превращать вчерашних противников в завтрашних союзников, и он отлично знал первую заповедь этого искусства: за столом переговоров считаться с интересами даже стороны, побежденной на поле боя, избегать оскорбления ее национальных чувств. «Железный канцлер» старался не увлекаться аннексиями, предпочитая вместо дорогостоящего и взрывоопасного «кусочка» включить в свою сферу влияния всю страну. Такую позицию он занял в 1866 г. по отношению к побежденной Австрии, аналогичный подход рекомендовал германским политикам в отношении России. Почему же он дважды изменил себе: в 1871 г. – отторгнув Эльзас-Лотарингию у Франции и сделав ее непримиримым врагом, и в 1878 г. – навязав России Берлинский трактат, лишивший ее многих плодов победы над османами и превративший Балканы в пороховой погреб Европы?

Ключ к ответу дает хронология: 1871 г. – Парижская Коммуна; 1874 г. – падение Первой Испанской республики, возникшей после фиаско бисмарковского кандидата на престол, что дало Пруссии повод к войне с Францией; 1877-1878 гг. – война южных славян и России против османов, для Болгарии и Сербии объективно означавшая национально-демократическую революцию; 1878 г. – провал во Франции путча Мак-Магона и утверждение республики; 1879-1881 гг. – вторая революционная ситуация в России, назревавшая с середины 1870-х гг. Понятно, что в сознании Бисмарка и его класса, помнивших «безумный» 1848 год и встревоженных успехами германского рабочего движения (в 1878 г. был принят «исключительный закон против социалистов»), внешнеполитическая стратегия должна была отступить перед охранительным императивом. Францию и Россию требовалось ослабить и даже оскорбить, чтобы уменьшить вероятность революционного исхода, заранее упрочить военную машину юнкерско-буржуазного рейха, разделить народы стенами национальной вражды. Насколько сам Бисмарк и его окружение осознавали объективный классовый императив, а насколько он был затуманен шовинистическими предрассудками и «головокружением от успехов» – вопрос небезынтересный в социально-культурном плане, но исторически не принципиальный.

3.

Обратимся теперь к началу эпохи империализма. Известно, что роковому лету 1914 г. предшествовало несколько острейших военно-политических кризисов, ставивших планету на грань мировой войны. Все они имели причиной и поводом империалистический передел колоний и зависимых стран. Почему же ни один из них не привел к катастрофической развязке?

Датой первого из таких кризисов можно считать 1898-99 годы – рубеж завершения в основном империалистического раздела Азии и Африки, исчерпания резерва «незанятых» земель всей планеты. Сесилу Родсу, одному из авторов термина «империализм», оставалось предвосхищать персонажей «Звездных войн»: *«Как жаль, что мы не можем добраться до звезд. Я бы аннексировал планеты»*. Пока же космос был недоступен, в повестку дня встал передел уже поделенного. В 1898 г. США захватывают колонии Испании. В 1899-м Великобритания и Германия, еще не ставшие врагами, едва не поделили колонии Португалии. В начавшейся тогда же войне на юге Африки португальский Мозамбик служил базой поддержки буров державами-соперницами Лондона. Но

ближе всего к грани мировой войны подвел «инцидент» в том же Южном Судане, где и в наши дни льются потоки крови, не видимые европейским обывателям. В 1898 г. в селении Фашода на берегу Белого Нила британские каратели Китченера, успевшие испытать на суданцах новое оружие – пулемет, столкнулись с французским отрядом Маршана. Франция была уже связана с Россией договором, направленным против Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии. Еще шаг, еще выстрел – и мировая война началась бы на 16 лет раньше, с иным составом противостоящих коалиций и, вероятно, с иным исходом.

Что предотвратило роковую развязку? Ведь международная ситуация была более чем острой: шла испано-американская война, на грани пожара пребывали Балканы, на сферы влияния делили Китай. Во внутренней политике Великобритании, Германии и Австро-Венгрии не происходило ничего грозившего спутать карты азартным игрокам. Италия видела в 1899 г. социальный взрыв с баррикадными боями в Милане, но не была настолько сильной, чтобы играть на мировой арене самостоятельную роль.

Иное дело – Франция, переживавшая в 1898-1899 гг. пик внутривнутриполитического кризиса, спровоцированного «делом Дрейфуса». К власти рвался «протофашистский» блок монархической военщины, влиятельных клерикалов и фанатизированного антисемитизмом мещанства, опиравшийся на самую реакционную часть финансового капитала. Объективно этот блок пытался довести контрреволюцию, начатую разгромом Парижской Коммуны, до логического конца – уничтожения даже буржуазной республики, предоставлявшей рабочему движению легальные возможности. Против угрозы республике выступил прообраз Народного фронта 30-х гг.: радикальные круги буржуазии, влиятельная мелкобуржуазная демократия и большинство организованного пролетариата, шедшее за своим лидером Ж. Жоресом. Этой конфронтации оказалось достаточно, чтобы *«вплотную подвести народ к гражданской войне»*ⁱⁱⁱ. Применяя ленинские критерии революционной ситуации, невозможно не увидеть ее назревания во Франции конца 1890-х гг.

Полнейшее совпадение угрозы гражданской войны с международным кризисом, грозившим мировой войной, не было случайным.

С одной стороны, сам внутренний конфликт имел международную составляющую: «протофашисты» играли на реваншистских настроениях французов, провокационно изображали своих противников «немецкими шпионами», за кулисами же поддерживали тесные связи с австро-германской реакцией, подводя родину под ее «выстрел» ради уничтожения республики. В этом плане показательны как фигура провокатора – графа Эстергази, перешедшего на французскую службу из габсбургской Австрии и не скрывавшего ненависти к французскому народу, – так и выбор жертвой Дрейфуса – выходца из среды эльзасцев, сохранявших и после германской аннексии верность Франции и потому особо ненавистных именно германским шовинистам.

С другой стороны, правящие круги Берлина и Лондона готовили войну с Францией не из одного колониального соперничества (не помешало же оно Лондону вскоре вступить с Парижем в блок против Германии), но и из страха перед призраком новой Коммуны. Такой вывод подтверждается тем, что военные тучи рассеялись, едва выяснилось, что дело происходит, как подчеркнет Ленин в 1920 г., *«в обстановке, которая и со стороны международной и со стороны внутренней во сто раз менее была революционна, чем теперь»*^{iv}.

Вне Франции и Италии предреволюционного кризиса в 1898-1899 гг. не было. Да и во Франции в итоге сказалась усталость народа, особенно пролетариата, от ряда гражданских войн и самой жестокой из них, сопровождавшей гибель Коммуны. Ни та, ни другая сторона противостояния не перешла Рубикон, и casus

belli удалось устранить путем компромисса, включавшего как одно из условий участие социалиста Мильерана в буржуазном правительстве. С учетом угрозы перерастания гражданской войны в мировую, компромисс рабочего движения и мелкобуржуазной демократии с буржуазными республиканцами представлялся единственной альтернативой катастрофе, грозившей участию Коммуны уже всей Франции и не ей одной (предпосылки революционного выхода из подобной войны тогда еще не созрели). Это политически и психологически объясняет согласие большинства рабочего движения Франции на компромисс, не оправдывая, конечно, оппортунизм Мильерана, действовавшего за спиной своей партии и докатившегося до полного ренегатства.

Паллиативное разрешение взрывоопасных противоречий путем компромисса на рубеже XIX-XX веков не было специфически французским явлением. Так в те годы, даже после самых острых столкновений, оборачивалось дело и в международных конфликтах (испано-американском, англо-бурском, греко-турецком), и во внутренних делах ведущих держав. Британские тред-юнионы получили политическую надстройку – Лейбористскую партию. В Италии компромисс, подобный французскому, между лидером либералов Джолитти и социалистической партией Турати позволил отойти от грани гражданской войны и провести некоторые реформы. Хотя империализм уже вступил на историческую арену, еще не были исчерпаны возможности социально-политического маневра на базе реформистского разрешения недоделанных буржуазными революциями задач. Эту временную и относительную тенденцию абсолютизировал ревизионизм Э. Бернштейна, обозначивший начало оппортунистических «подвижек» во II Интернационале.

4.

Вторично мир подошел к грани военной катастрофы в 1904-1905 гг. На Дальнем Востоке полыхала война, которую Япония не могла бы вести без финансовой и военной поддержки Великобритании и США. В последний раз перед Первой мировой англосаксонские державы выступили, хотя и косвенно, против России, что создавало возможность их блока с Тройственным союзом против франко-российского.

Но уже в 1904 г. был подписан англо-французский договор о разделе Северной Африки (Египет – Лондону, Марокко – Парижу), а в середине 1905 г. германский и британский империализм едва не столкнулись на севере Европы – поддержав соответственно Швецию и отделившуюся от нее Норвегию – и на севере Африки, где возник «первый марокканский кризис». В ответ на попытку Франции превратить Марокко в колонию кайзер Вильгельм II нанес сенсационный визит в стратегически важный порт Танжер, а его окружение дало понять, что в ответ на аннексию североафриканского королевства германские войска перейдут границу Франции. Лондон, в свою очередь, подстрекал Париж не уступать немцам, обещая поддержку в войне. Но грозовые тучи снова прошли мимо. Почему?

Ответ был известен уже Энгельсу, и его можно выразить двумя словами: российская революция. И дело не в ослаблении Российской империи как союзника Франции и потенциально – Великобритании, на что упирают буржуазные историки. Такое ослабление само по себе могло только ускорить вспышку войны, развязав руки кайзеровской Германии. Главное состояло в революционизирующем влиянии России на другие страны. Отсюда – приоритет контрреволюционных целей господствующих классов, отнюдь не одних российских, над остальными задачами. Только учет этого обстоятельства позволяет понять поведение «элит», иначе кажущееся подчас проявлением клинического слабоумия.

В самом деле: как Британская империя и США могли поддержать против России Японию – в ближайшей перспективе своего опаснейшего на Тихом океане врага? Да, у Лондона с Петербургом были старые противоречия в Азии. Но уже стало очевидно, что Российская империя, финансово зависимая от иностранного капитала и вползающая в революционный кризис, не может и помышлять о рывке к «теплым морям» (который и прежде-то существовал больше в зарубежных фальшивках типа «завещания Петра Великого», достойного предтечи «мытья сапог в Индийском океане» в исполнении Владимира Вольфовича). А уж Соединенным Штатам вообще нечего было опасаться со стороны России. Что это – патологическая русофобия «гниющего Запада», как мнится национал-недоумкам всех времен? Но не помешала же она англосаксам несколько лет спустя объединиться с Россией в рядах Антанты. Вероятно, некоторую роль играла ненависть «свободомыслящей» общественности Великобритании и США, особенно ряда эмигрантских общин, к самодержавной России. Но кто же, кроме национал-недоумков, не знает, что в эпоху империализма мелкобуржуазная интеллигенция обретает видимость влияния на государственную политику исключительно в тех случаях, когда ее истерические порывы совпадают с реальными интересами финансовой олигархии?

В данном случае эти интересы были двойными. Во-первых, *аннексионистскими* в отношении российских земель Дальнего Востока и Сибири; в США уже разрабатывались проекты «покупки» Сибири или, для начала, прокладки стратегической железной дороги от Берингова пролива до города Канска, расположенного почти в центре Сибири. Во-вторых, *интервенционистскими* в отношении набравшей силу российской революции, имевшими целью либо подчинить ее себе, либо «задушить в колыбели», но не допустить ее действительной победы и влияния ее примера на другие страны. И те и другие интересы в полной мере проявились позднее, в 1918-1922 гг. Но, судя по всему, уже в 1904-1905 гг. они побуждали обе англосаксонские державы к поддержке Японии против России. Это позволяло одновременно отвести самурайский меч от своих колоний, расчистить почву для собственной империалистической экспансии и создать условия для подавления революции, прежде всего в России (а также в Японии, где осенью 1905 г. сложилась революционная ситуация).

5.

Парадоксальные, на первый взгляд, события происходили и по другую сторону фронтов назревавшей мировой войны.

24 июля 1905 г. во время «морской прогулки» состоялась личная встреча Николая II с Вильгельмом II. Два императора подписали секретный договор о союзе, означавший для России внешнеполитический разворот на 180 градусов. Вступить в силу ему не пришлось: большая часть российского правительства, связанная с французским капиталом, оказала решительное сопротивление, грозившее самодержцу в случае упорства либо революционным низложением, либо традиционным для Романовых – Гольштейн-Готторпов «апоплексическим ударом табакеркой в висок». Здесь удивляет не то, что «Договор в Бьерке» остался на бумаге, а то, что оба монарха вообще подписали его вопреки всей логике империалистических интересов.

Еще большего удивления достоин разработанный к концу 1905 г. германским генштабом окончательный вариант «плана Шлиффена», частично осуществленный в 1914 г. С военно-стратегической точки зрения это была авантюра, исключительная даже для прусского милитаризма. Первый и, кажется, последний раз в истории великая держава планировала сама развязать войну на

два фронта – против Франции и России. Конечно, разбить их предполагалось по очереди – прежде чем Россия закончит мобилизацию и сосредоточение войск, окружить и принудить к капитуляции Париж, а затем перебросить войска на восток.

Уже первая половина плана явно была «подготовкой к прошедшей войне»: в 1870 г. пруссаки действительно окружили столицу Франции и навязали ей тяжелый мир. Но как можно было не видеть, что в изменившихся условиях взятие Парижа вовсе не означало конца войны? В 1905 г. уже стала фактом англо-французская Антанта, и именно германское вторжение в нейтральную Бельгию, предполагавшееся «планом Шлиффена», обеспечивало Лондону идеальный *casus belli*. При британском господстве на море союзники могли и на юге Франции держать фронт намного дольше тех недель, на которые рассчитывал германский генштаб. К тому же французский империализм начала XX века, не говоря уже о его британском собрате, располагал обширной колониальной периферией, за счет которой мог продолжать войну даже при оккупации противником всей метрополии. А если бы первая половина «плана Шлиффена» каким-то чудом и осуществилась, война с необъятной Россией все равно грозила кайзеровскому рейху участием наполеоновской империи, о чем предупреждал еще Бисмарк.

Уже к 1905 г. главным соперником германского империализма стал не французский и не российский, а британский империализм, и чтобы рассчитывать на победу, главный удар надо было нанести именно ему. Для этого имелось лишь одно доступное германской сухопутной армии направление – балканско-ближневосточное. Это понимал, при всей своей репутации легкомысленного авантюриста, даже Вильгельм II. Его любимым детищем была Берлинско-Багдадская железная дорога, открывавшая прямой доступ к оплотам британского колониального могущества – Египту, Ирану, Индии. Это во многом объясняет, почему Балканы стали детонатором Первой мировой войны, но никак не объясняет «план Шлиффена», с военной точки зрения способный лишь принести Германии больше вреда, чем мог пожелать злейший враг.

Конечно, любой управленческой структуре эксплуататорского государства, а тем более полуабсолютистского, каким классики марксизма резонно считали кайзеровскую империю, присуща закономерность прогрессирующего снижения компетентности. Чем ближе государство к упадку, тем больше оно обливает *«социальной плесенью и гнилью»*, как метко выразился В.И. Ленин по поводу коррупционных скандалов в придворных кругах России и Германии. В деятельности продолжателя покойного Шлиффена – Мольтке-младшего, еще одного «маленького племянника великого дяди», способного лишь старательно имитировать дядин шедевр 1870 г., – трудно не видеть симптомов деградации. Но нельзя и ограничиться этим объяснением. История показала, что *«скорлупа»* военно-полицейского государства, по меткому ленинскому выражению, сделанная в Германии *«из лучшей стали»*, даже перед лицом революции оказалась куда крепче романовской империи на распутинской стадии. И если столь первоклассная военная машина сработала на первый взгляд крайне непрофессионально, то, может быть, мы просто видим не все ее действительные цели?

Ключ к обеим загадкам дает не столько соотношение военных сил империалистических коалиций, сколько **соотношение классовых сил**, определявшееся российской революцией и ее международным влиянием. Ко времени «договора в Бьерке» уже прогремели выстрелы с «Потемкина» и с рабочих баррикад польской Лодзи, близ самой германской границы. Два императора сговаривались не столько против империалистических соперников, сколько против самого страшного врага – революции. Правда, более искусственные

– и теснее связанные с монополистическим капиталом – российские министры и генералы еще надеялись справиться сами, без германских штыков.

Однако к концу 1905 г. события принимали грозный оборот. Москву и другие города охватило вооруженное восстание, исход которого не был ясен. Революционный пример России все ощутимее влиял на пролетариат Западной и Центральной Европы.

Во Франции республиканские круги буржуазии, поддержанные социалистами, одержали важную победу над реакцией, узаконив отделение церкви от государства и светской школы. Возник, хотя и под анархо-синдикалистским руководством, крупный профцентр – Всеобщая конфедерация труда. Объединенная социалистическая партия, созданная в соответствии с решением II Интернационала, заявила о себе в вопросах международной политики: летом 1905 г. её лидер Жорес собирался приехать в Берлин, чтобы совместно с германскими социал-демократами выступить против войны. Самому канцлеру пришлось просить знаменитого оратора не пересекать границу, но это не могло предохранить кайзеровский тыл от заразного примера.

В соседней с германским Руром небольшой, но индустриально развитой Бельгии тоже набирало силу рабочее движение, путем двух политических забастовок добившееся всеобщего избирательного права, которое еще отсутствовало в Австрии и Пруссии.

Что касается стран Тройственного союза, вести из России не только поставили на грань рабоче-крестьянского восстания полуголодную и вечно беспокойную Италию, но и пошатнули главного германского союзника – дряхлевшую вместе со своим императором габсбургскую монархию. 15 сентября 1905 г. в Венгрии состоялась первая политическая стачка с требованием всеобщего избирательного права. Получив известие о российской октябрьской стачке, съезд Социал-демократической партии объявил политическую забастовку по всей стране. В начале ноября дело дошло до столкновений с полицией и войсками, в Праге – до баррикад. 28 ноября, в день открытия сессии парламента, работа прекратилась повсеместно.

Вот на каком фоне германский генштаб заканчивал разработку «плана Шлиффена». Напрашивается мысль: не был ли этот план, заведомо слабый как стратегия войны против враждебных *государств*, изначально обращен против *революции* в России, а также, возможно, Франции и Бельгии? Тогда сразу получают объяснение все необъяснимые иначе черты плана: и оккупация Бельгии, и окружение Парижа – центра потенциальной новой Коммуны, – и последующая интервенция в России. Не доверялось бумаге, но явно подразумевалось, что жертвы агрессии, охваченные гражданским противостоянием, не успеют скоординировать силы для отпора, а Великобритания не пожелает, как и в 1870 г., вступить за революционных соседей или сама будет парализована внутренним кризисом. При таких условиях кайзеровский рейх, еще не затронутый брожением, мог при поддержке внутренней контрреволюции соседних стран нанести им упреждающий удар. По мере развертывания европейской революции прусский милитаризм все равно был бы обречен – любой риск поэтому выглядел оправданным.

Это предположение подтверждается тем, что после поражения российского Декабрьского восстания международная конфронтация была спущена на тормозах. Швеция, не получив обещанной поддержки Германии, была вынуждена признать независимость Норвегии и сделать окончательный выбор в пользу нейтралитета. Первый марокканский кризис разрешился международной конференцией в Альхесирасе, где царские дипломаты поддержали Францию.

6.

Не только натиск 1905 г., но и спад революционного движения в 1906-1907 г. на почве сделки либерально-буржуазной оппозиции с правящими режимами носил международный характер. Господствующие классы всех стран занялись наведением «порядка», пользуясь той же рыхлостью мелкобуржуазно-демократических блоков, что проявилась в России.

Весной 1906 г. банки республиканской Франции предоставили Николаю II громадный заем – фактически на подавление революции, причем его получению способствовала российская либерально-буржуазная оппозиция: *«Кадеты помогли правительству получить два миллиарда из Франции на военно-полевые суды и расстрелы, ибо Клемансо прямо заявил кадетам: займа не будет, если партия кадетов официально выступит против займа. Кадеты отказались выступить против займа из боязни потерять свое положение завтрашней правительственной партии! Россию расстреливали не только треповские пулеметы, но и кадетско-французские миллионы»*^у.

Рабочее движение Франции, получившее мощный импульс от революции в России, испытало на себе последствия ее поражения. Той же весной 1906 г. страну потрясла забастовка горняков. На 1 Мая ВКТ назначила всеобщую забастовку с требованием 8-часового рабочего дня. Правительство ввело в Париж 18 полков, арестовало все руководство профцентра. Спустя год были подавлены стачка электриков, выступления пытавшихся присоединиться к ВКТ госслужащих, массовые протесты виноделов. Неповиновение захватило армию: знаменитый 17-й полк, почти как в начале Коммуны, отказался стрелять в народ. Но несогласованность рабочих и крестьянских выступлений, раскол между соцпартией и ВКТ убедили буржуазию, что серьезная опасность ей не угрожает. «Радикальное» правительство с участием социал-ренегатов вполне ее устраивало.

В Германии пробой сил стало отношение к колониальной войне. В конце 1906 г. голосами социал-демократов и мелкобуржуазной оппозиции рейхстаг отклонил дополнительные кредиты на подавление восстания гереро и готтентотов в Юго-Западной Африке (нынешней Намибии). Но внеочередные выборы лишили социал-демократов половины мест и привели к власти правый блок, ехидно прозванный «готтентотским». Юнкерско-буржуазные верхи убедились в действенности шовинистического яда, помогшего им «консолидировать нацию» и изолировать левых даже по вопросу, далекому от повседневных забот обывателя, и тем более могли на это рассчитывать в делах, осязаемых затрагивающих националистические предрассудки. Лидер левых Карл Либкнехт был заключен на полтора года в крепость за «подготовку государственной измены», молодежи до 18 лет запретили вступать в политические союзы. Социал-демократическая партия, подчинившись правительственному запрету, сама распустила молодежные союзы, лишив себя возможности готовить смену.

Еще более куцей оказалась «весна» в Австро-Венгрии. В январе 1907 г. подданным империи предоставили «всеобщее» избирательное право, ставшее средством разжигания межнациональной розни: чем менее привилегированной была нация, тем большее число избирателей представлял депутат в рейхстаге. Однако социал-демократы, став крупнейшей фракцией, посчитали свою цель достигнутой. Их орган «Арбейтер-Цейтунг» писал в мае 1907 г.: *«Не мощные демонстрации, не нервующие (!) героические бои составляют ближайшую задачу пролетариата... Позиция врага завоевана, теперь великие бои позади!»*

Ослабление нажима слева на главного кредитора царизма, французскую буржуазию, и главных потенциальных интервентов, Гогенцоллернов и Габсбургов, не могло не способствовать столыпинскому перевороту в России в июне 1907 г.

Революционный подъем продолжался лишь на дальней периферии империалистической системы. «Пробуждение Азии» краешком затронуло Европу: младотурецкая революция в 1908 г. началась в балканских провинциях Османской империи. Австро-Венгрия, выполняя указания из Берлина, поспешила припугнуть младотурок и заодно прощупать позиции России, объявив об аннексии Боснии и Герцеговины, оккупированной ею с 1878 г., но все еще считавшейся частью османской державы. Конъюнктурный расчет оправдал себя.

Царская дипломатия была вынуждена предупредить сербов, что Россия воевать не может. Преждевременная война, утверждал Столыпин на «особом совещании», может вызвать новую революцию. «Благоразумие» проявили и другие державы. В буржуазно-либеральных кругах впервые стали делать попытки наложить на милитаризм международно-правовые ограничения (международный арбитраж, Гаагская конвенция 1907 г. о нормах ведения войны).

Думается, не последнюю роль сыграл тот факт, что жизненно важным вопросом мира и войны впервые попыталось предметно заняться международное рабочее движение. Эта тема была одной из главных на Штутгартском конгрессе II Интернационала (август 1907 г.). Резолюция лидера германской социал-демократии А. Бебеля была принята с ленинской поправкой о необходимости использовать кризис, созданный войной, для революционного свержения капитализма.

В том же году кайзеровский рейх учинил судебную расправу над К. Либкнехтом за его книгу *«Милитаризм и антимилитаризм»*. Решительную поддержку автору выразил В.И. Ленин в статье *«Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии»*. Царское посольство, ненавидевшее Либкнехта за его солидарность с российскими революционерами, приветствовало будущих военных противников: «Достоинно внимания, с какой энергией германское правительство выступает против малейших попыток привить пагубное движение антимилитаризма в германском народе...»^{vi}.

Господствующие классы империалистических стран, глубоко встревоженные российской революцией и ее отголосками в других странах, не были в состоянии рассчитать заранее, каким окажется ответ европейского пролетариата на большую войну. Эта неуверенность не могла не оказывать на них сдерживающего влияния. Вследствие стечения всех обстоятельств международный кризис на время увял, оставив на Балканах, как предостерегал еще Энгельс, тлеющий очаг, из которого позже суждено было разгореться глобальному пожару.

7.

Генеральная репетиция Первой мировой войны приходится на 1911-1912 гг. Это было время нового подъема классовой борьбы с революционной тенденцией, имевшего, подобно предыдущему, международный размах.

В **России** подъем начался беспрецедентно скоро после поражения предыдущей революции – через 3-4 года. Уже 1910 г. отмечен оживлением стачечного движения и возобновлением политических демонстраций. В 1911 г. бастовало 100 тысяч рабочих, больше половины стачек кончалось победой, чего не знала ни одна европейская страна. Правящие верхи охватила сумятица: убийство Столыпина агентом охраны говорило за себя. Лагерь революционного пролетариата, напротив, набирал силу и спланировался. В январе 1912 г. Пражская конференция завершила организационное оформление большевистской партии. Негодование, вызванное по всей России Ленским расстрелом, сделало приближение новой революции очевидным. В.И. Ленин внимательно следил за событиями в других странах, прилагая усилия к консолидации революционных сил международного рабочего движения.

В **Англии** (точнее, **Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии**) уже в 1911 г. начался небывалый подъем стачек портовиков, железнодорожников. Забастовка углекопов 1912 г., по оценке В.И. Ленина, *«положительно составила эпоху»*^{vii}. Права объединяться в тред-юнионы добились неквалифицированные рабочие – профсоюзное движение, прежде привилегия «рабочей аристократии», обрело массовый характер. Наметился кризис верхов: выборы 1910 г. вынудили правивших либералов заключить блок с лейбористами и ирландскими националистами, пойти на ограничение прав палаты лордов, вступив в конфликт с титулованной верхушкой лендлордов и крупной буржуазии.

Такое же обострение противоречий скрывалось за фасадом республиканской демократии **Франции**. Стачное движение нарастало, раскол между социалистами и анархо-синдикалистами начал изживать. Буржуазия и примкнувшие к ней социал-рenegаты все чаще применяли против «внутреннего врага» вооруженную силу: мобилизовывали бастующих железнодорожников как военнообязанных, бросали против виноделов Шампани войска. Вместе с тем правящий класс, как и в 1898-1899 гг., раскалывался на два противостоящих блока: крайне правый и реформистский. Ход борьбы за власть во многом зависел от позиции рабочего движения, партии социалистов; большое политическое влияние ее лидера Жореса признавали и друзья, и враги.

В **Германии** конфликт по традиционному для имущих классов налоговому вопросу расколол «готтентотский блок». Возникшая трещина дала некоторый выход энергии низов. В 1910 г. развернулась борьба за избирательную реформу в большей части страны – Пруссии. Рабочие требовали от социал-демократии немедленного объявления политической стачки. Левые во главе с Р. Люксембург, опираясь на опыт России, стремились придать всеобщей забастовке революционный характер и выдвигали лозунг республики. Осенью 1910 г. в берлинском районе Моабит дошло до баррикадных сражений стачечников с полицией. Заголовки правых газет кричали, опережая события: *«Моабит – начало революции!»*.

В.И. Ленин был убежден, что *«в Германии явно для всех надвигается великая революционная буря»*, писал уже о *«своеобразной предреволюционной ситуации»*. Магдебургский съезд германской социал-демократии (сентябрь 1910 г.) он воспринимал как *«маленький смотр небольшой частички армии... перед началом кампании»*. В принципе это верно: восемь лет – не срок для сдвигов всемирно-исторического масштаба. В то же время он подчеркивал, что германская обстановка *«не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах»*. Ее своеобразие Ленин усматривал в той, отмеченной уже Энгельсом, особенности, что *«предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством законности, ставшей поперек дороги тем, кто ввел эту законность»*. Господствующие классы Германии, писал Владимир Ильич, *«самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, их законность приходится сломать, приходится – во имя сохранения господства буржуазии»*.

В принципе эта черта предреволюционных ситуаций не уникальна: ранее она проявлялась во Франции, в дальнейшем и в других странах. Но в Германии она осложнялась тем, что «законность», к которой за десятилетия адаптировалось рабочее движение, была атрибутом не буржуазной демократии, а полуабсолютистской политической системы, которую метко охарактеризовал еще Маркс: *«Обшитый парламентскими формами, связанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»*^{viii}.

Немецкий обыватель не знал за столетия ни одной победоносной революции и, кроме сомнительной «законности», не видел иной защиты от произвола власти. К тому же, реализовав «сверху» жизненно необходимое Германии национально-государственное объединение, прусско-имперский «порядок» получил в массовом сознании немалый запас «патриотической» легитимности. Это крайне затрудняло разрешение противоречия, выявленного Лениным: *«Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности»*^{ix}.

На поверку монополистический капитал действовал менее «растерянно», чем его классовый противник. Германская социал-демократия, за исключением левого меньшинства, отличалась теми чертами обывательского сознания, которые с тревогой отмечал еще в 1875 г. Маркс, – *«верноподданнической верой в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса»*^x.

На Магдебургском съезде, по словам Ленина, уже проявились *«два мира идей и две классовые тенденции внутри с.-д. рабочей партии Германии»*. Съезд принял положение Р. Люксембург о признании средством борьбы за избирательное право всеобщей политической стачки. В осуждении оппортунистов большую роль сыграл старейший лидер немецких социал-демократов А. Бебель. Многие из сказанного им «попадает не в бровь, а в глаз» (В.И. Ленин) как тогдашним, так и сегодняшним оппортунистам:

«Это – политический закон, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают. Если я вхожу в политический союз с принципиально враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т.е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать этого союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать...»

Массам непонятно, что есть социал-демократы, своим восторгом доверия поддерживающие правительство, которое массы всего охотнее совсем бы устранили. У меня часто получается впечатление, что часть наших вождей перестала понимать страдания и бедствия масс (бурное одобрение), что им чуждо положение масс...

У нас в партии немало таких национал-либералов, которые ведут национал-либеральную политику».

Бебель чувствовал приближение взрыва, обращая внимание однопартийцев *«на обострение противоречий, на трудность реформ в Пруссии, на рост озлобления в массах, на усиление экономического гнета в силу дороговизны жизни, объединения капиталистов в тресты и картели»*. *«Мы переживаем такое время, когда особенно непозволительны гнилые компромиссы, – говорил он в Магдебурге. – Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам... Если дойдет дело до того, что в 1912 году разразится европейская война, тогда вы увидите, что нам придется пережить, на каком посту стоять»*.

Но старый лидер слишком приучил себя и других не давать повода к репрессиям против партии, избегать решительного столкновения, пока враг не начнет, по выражению Энгельса, *«стрелять первым»*. Он слишком привык в

острых политических вопросах ограничиваться «одними наводящими указаниями»: *«Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова»*. В то время Ленин разделял убеждение в правильности такой тактики: *«У партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии **против** буржуазии, нет ни малейших оснований отказываться от тех удобств в борьбе, от того **плюса** в сражении, что враг запутался в своей собственной законности, что враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность»*^{xi}.

Вместе с тем, устоявшаяся тактика с 1905 г. все больше отставала от международного революционного подъема, стирала видимую грань между революционным марксизмом и оппортунизмом. Минусы и опасности «насильственного столкновения», напротив, могли быть перекрыты политико-психологическими преимуществами, особенно важными для Германии. Как предупреждал еще Энгельс, *«насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения Тридцатилетней войны»*^{xii}.

Ярко выраженный революционный характер приняли события на зависимой периферии империалистической системы. Если восстания в **Иране, Китае, Мексике** казались европейцам далекими (хотя Британская империя и царская Россия в 1911 г. совместно занялись военным усмирением Ирана), то иначе обстояло дело с периферией ближней, южноевропейской.

В июле 1909 г. рабочие Барселоны подняли героическое восстание – прообраз испанской революции 1931-1939 гг. В 1910 г. буржуазная революция низложила монархию в Португалии.

Рядом со странами Иберийского полуострова, на другом берегу узкого Гибралтарского пролива, в 1911 г. разразился опаснейший международный кризис, подведший мир вплотную к глобальной войне. Эпицентром противостояния вторично стало Марокко. Эта страна притягивала империалистические державы не только природными богатствами и дешевой рабочей силой, но и стратегическим положением рядом с базой британского флота в Гибралтаре, с давним сателлитом Великобритании – Португалией – и Испанией, обеспечивавшей спокойствие французских тылов. Обе страны Иберийского полуострова служили мостом в Латинскую Америку.

К «геополитическим», как уже начинали тогда писать, обстоятельствам добавились весомые мотивы классово-охранительного характера. Кайзеровской Германии срочно требовалось отвлечь внимание подданных от движения за избирательную реформу. Кроме того, из Марокко было удобно нанести удар португальской республике и революционному движению Испании. В 1909 г. барселонских пролетариев толкнул на баррикады декрет о мобилизации резервистов на войну в Марокко, а спустя четверть века ударной силой фашистского мятежа против Испанской республики, поддержанного третьим рейхом, станут марокканцы.

1 июля 1911 г., когда захват североафриканской страны Францией близился к завершению, в гавань Агадира вошла германская канонерка «Пантера», вскоре ее сменил мощный крейсер «Берлин». «Прыжок “Пантеры”», расхваленный берлинской шовинистической прессой, обеспокоил Лондон, и его морская мощь склонила баланс в пользу Парижа. Британский кабинет подталкивал Францию к войне. Однако в Петербурге французскому послу дали понять: воевать рано.

Одним из реальных факторов, отсрочивших войну, и на этот раз явилось рабочее движение. Партия большевиков не только энергично протестовала

против англо-российской интервенции в Иране, но и помогала революционерам этой страны бойцами и оружием. Осенью 1911 г. по призыву II Интернационала сотни тысяч рабочих всех европейских стран вышли на антивоенные митинги. Бывший коммунар Вайян призвал ответить на угрозу войны всеобщей забастовкой и восстанием. Жорес прибег в разгар кризиса и к дипломатическим шагам, совершив поездку в Португалию, где встретился с министром иностранных дел, а затем в страны Южной Америки.

Противоречиво вела себя германская социал-демократия. Ее представитель в Международном социалистическом бюро на предложение о совместных выступлениях возражал: вопрос о Северной Африке «не представляет интереса», а антивоенные действия могут повредить предвыборной кампании. Р. Люксембург предала позорный факт огласке, за что подверглась на Иенском съезде нападкам со стороны правления партии. К. Либкнехт тогда напомнил, что берлинские рабочие, без призыва руководства и вопреки ему, *«многократно проявили свою активность и показали, что они сумели лучше, чем партийное правление, оценить серьезность положения»*. Демонстрации, принявшие небывалый размах, не обошлись без стычек с полицией. В резолюции следующего съезда партии было записано, что *«социал-демократия борется против любых настойчивых империалистических стремлений, где бы они ни проявились»*^{xiii}.

Первой страной, где пролетариат попытался ответить непосредственно на империалистическую войну организованным массовым выступлением, стала **Италия**. В день начала ею, с согласия всех держав, войны с Османской империей, а фактически с народом Ливии, профсоюзы и соцпартия объявили всеобщую забастовку. Но руководство социалистов подчеркивало, что стачка не должна *«выйти за рамки легальности»* и *«ослабить Италию перед лицом врага»*. Зачем тогда вообще бастовать? Неудивительно, что политический эффект выступления оказался близок к нулю, а многие его организаторы, вроде главы фракции «непримиримых революционеров» Бенито Муссолини, вскоре переметнулись на другую сторону баррикад.

Второй марокканский кризис закончился в ноябре 1911 г. признанием Германией французского протектората над Марокко в обмен на часть Центральной Африки площадью в две трети Франции. Через год Италия заявила об аннексии Ливии и оккупировала населенные греками острова Додеканес у берегов Малой Азии. Турецкая революция, слабая внутренне, получила жестокий удар извне, и через несколько месяцев национал-экстремисты навязали стране реакционную диктатуру, которая втянет страну в мировую войну на стороне германского блока.

Особой опасностью, даже на фоне других попыток передела мира, отличались Балканские войны 1912-1913 гг. В полном соответствии с предупреждением Энгельса, справедливое стремление народов полуострова к освобождению от османского и австрийского гнета вплелось в кровавый и грязный клубок империалистических интересов. Уже в конце 1912 г. Россия и Австро-Венгрия оказались на грани большой войны, а французское правительство, движимое реваншизмом, буквально толкало царизм за эту грань.

II Интернационалу пришлось ответить на явно нависшую угрозу. 9 ноября, ровно за шесть лет до крушения рейха Гогенцоллернов, было принято решение созвать чрезвычайный форум. Манифест Базельского конгресса, разработанный под преобладающим влиянием левых, стал самым революционным в истории II Интернационала. Он напоминал правительствам, что за франко-прусской войной последовала Коммуна, а за русско-японской – революция в России. Манифест обязывал социалистов всех стран решительно бороться против угрозы войны, если же она разразится – использовать созданный ею кризис для свержения

капитализма. *«Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса они не могут развязать войну, не подвергая опасности самих себя... Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатов».* Некоторые участники конгресса, например Вайян, ссылаясь на опыт России 1905 г., обосновывали допустимость всеобщей политической стачки против несправедливой войны и даже вооруженного восстания.

Последний предвоенный конгресс Интернационала явился серьезным международным событием, давшим шанс охладить горячие головы милитаристов. Два года спустя, именно в соответствии с Базельским манифестом, российские большевики выступают за поражение всех правительств, ведущих империалистическую войну, и превращение ее в гражданскую войну пролетариата против своих угнетателей. Невыполнение большинством европейских социал-демократов этого долга В.И. Ленин назовет крахом II Интернационала.

К сожалению, предпосылки краха явственно обозначились уже в 1912 г. Идеолог наиболее влиятельной из социал-демократических партий, германской, К. Каутский интерпретировал монополистическую стадию капитализма как «органическую», на которой революция уже не нужна, а война невозможна. В соответствии с этой «теорией» во время агадирского кризиса Бебель назвал иностранные капиталовложения опорой мира, а докладчик на съезде партии Гаазе уверял, что совместная деятельность капиталистов на мировых рынках – лучшее средство преодоления конфликтов. Лидеры, зараженные «парламентским кретинизмом», допускали антиимпериалистические действия рабочего класса лишь как способ «погрозить пальчиком» возмутителям обывательского спокойствия, всерьез веря, что это возымеет эффект даже перед лицом мировой войны, и, по сути, отказываясь что-либо делать, пока не стало слишком поздно.

8.

Почему все-таки Рубикон мировой войны был перейден именно летом 1914-го? Логика развития международных противоречий, порождавшихся империалистическим переделом мира, объясняет это лишь отчасти. Ведь при прежних военно-политических кризисах, возникавших на той же почве, удавалось хотя бы в последний момент отходить от роковой черты.

Есть основания полагать, что чашу весов мог склонить игнорируемый буржуазными историками фактор, до того отсутствовавший, – ***международная предреволюционная ситуация.***

Бросим по необходимости беглый взгляд на события, происходившие в те решающие месяцы, недели и дни в странах, решавших во многом судьбы всего человечества.

Обстановка, сходная с французской 1898-1899 гг., сложилась в ***Соединенном Королевстве.*** Центром противостояния закономерно стала Ирландия, страдавшая от особо жестокого социального и национального гнета. Там сложилась боевая рабочая партия во главе с Джеймсом Конноли, будущим героем и мучеником Дублинского восстания 1916 г. К грани гражданской войны ирландская столица подошла уже в ходе всеобщей забастовки 1913 г., хотя националисты-шинфейнеры не поддерживали рабочих. Зато ирландский пример получил отклик в Англии. Впервые после чартизма на съезде тред-юнионов раздавались призывы к всеобщей стачке. Забастовки принимали все более боевой характер. Рабочие отвергали арбитраж буржуазного государства. Против стачечников начали, как за Ла-Маншем, применять войска – сначала в качестве

штрейкбрехеров, потом для разгона со стрельбой на поражение; и все же хозяевам и властям приходилось частично уступать.

Подъем активности масс сопровождался классическим кризисом верхов. Поводом и здесь стала Ирландия. В 1912 г. либеральный кабинет, нуждавшийся в голосах ирландских националистов, внес в парламент билль об автономии Зеленого острова (под названием «домашней власти» – Home Rule, гомруль). Несмотря на ограниченность автономии, она стала яблоком раздора между реформистским крылом буржуазии и блоком наиболее реакционной части монополистического капитала с лендлордами, владевшими в Ирландии, особенно в ее северной части – Ольстере, обширными латифундиями. Трижды законопроект о гомруле принимался палатой общин, но отвергался лордами. Исчерпав возможности парламентского саботажа, правые, как сказал бы Энгельс, *«поставили штык в порядок дня»*. С осени 1912 г. лидер ольстерских консерваторов Э. Карсон начал формировать для борьбы с ирландскими патриотами полувоенные отряды. Через год это были уже 100-тысячные силы с артиллерией, пулеметами, броневиками. На сторону ольстерских мятежников встала и кайзеровская Германия, начавшая снабжать их оружием. Никто в буржуазной прессе не называл шпионом Карсона, публично заявлявшего, что готов предпочесть кайзера родине, если та «не защищает» Ольстер.

В начале 1914 г. либеральное правительство решило направить в Северную Ирландию несколько полков регулярной армии. Но офицеры, близкие к лендлордам, отказались подчиниться приказу. Мятеж, напоминавший «бунт в защиту рабства» в начале гражданской войны в США, был поддержан британским генералитетом. 21 марта генералы принудили правительство дать письменное обязательство не использовать войска против Ольстера. Правая печать откровенно признавала: *«Армия похоронила законопроект о гомруле»*. Документ, ставший известным в парламенте, вызвал бурю. Даже лейбористский депутат Р. Макдональд, по ленинской оценке, *«один из самых умеренных либеральных рабочих политиков»*, заговорил почти языком революционера: *«Эти люди всегда готовы стараться и неистовствовать против стачечников. Но, когда дело зашло об Ольстере, они отказываются исполнить свой долг, так как закон об автономии Ирландии затрагивает их классовые предрассудки и интересы»*.

События, эхо которых в Ольстере доныне не умолкает, Ленин охарактеризовал как *«общеконституционный кризис в Англии»*. Он полагал даже, что *«21-е марта... будет днем всемирно-исторического поворота, когда благородные лорды-помещики Англии, сломав вдребезги... английскую законность, дали великолепный урок классовой борьбы...»*. *«Чтобы сломить бунт аристократов-офицеров, либеральное правительство должно было бы обратиться к народу, к массам, к пролетариям, но этого-то господа «просвещенные» либеральные буржуа и боялись больше всего на свете»*. Владимир Ильич сделал отсюда общезначимый вывод: **«Действительное классовое господство лежало и лежит вне парламента»**. В сложившейся ситуации он видел доказательство «невозможности притупить остроту противоречий между пролетариатом и буржуазией Англии посредством половинчатой, лицемерной, притворно-реформистской политики либералов»^{xiv}.

Ирландским националистам и социалистам оставалось только защищаться самим. Летом 1914 г. они приступили к созданию армии волонтеров. Правительство, попустительствуя воинству Карсона, препятствовало доставке оружия волонтерам, и все же остров превратился в лагерь двух противостоявших армий. Любая искра должна была привести к взрыву гражданской войны, которая неминуемо расколола бы и Англию. 26 июля дублинская полиция расстреляла митинг националистов, убив и ранив десятки человек. Это вызвало в Ирландии и

Англии взрыв возмущения. Предреволюционная ситуация грозила со дня на день перерасти в революционную.

Объективную направленность ольстерско-генеральского мятежа 1914 г., как и попыток антидрейфусарского мятежа во Франции 1898-1899 гг., последующий опыт истории побуждает считать **протофашистской**. На сей раз, при более высоком уровне развития монополистического капитализма в стране и мире, реформистский выход из кризиса на базе компромисса радикальной буржуазии и народно-демократических сил оказался невозможным.

Политика попустительства мятежникам подвела официальный Лондон к выбору: либо гражданская война, чреватая в преимущественно пролетарской стране социалистической революцией, либо переключение энергии противостоящих сторон на внешнего врага. С другой стороны, ключевую дипломатическую коллизию лета 1914 г. – «опрометчивые» расчеты кайзера нейтрализовать Альбион и «коварную» линию лондонской дипломатии, поддерживавшей в нем эти иллюзии до самого начала войны, – можно убедительно объяснить лишь с учетом фундаментального классового фактора: угрозы революции, от которой верхам обеих империй оставалось одно спасение – мировая война.

По стопам Британии, хотя и медленнее, шел главный резерв мирового капитализма – **США**. Там с 1905 г. набирало силы революционное, хотя и не освободившееся от анархистских пережитков, пролетарское движение – «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) во главе с Ю. Дебсом, У. Хейвудом, Де Леоном. Руководимые ИРМ стачки превращались в настоящие бои с полувоенными формированиями монополий и воспетой бульварной литературой всех стран частной жандармерией – «пинкертонами». В штате Колорадо на рекордно долгую забастовку шахтеров (1912-1913 гг.) монополисты ответили расстрелом рабочих. В штате целый год шла «малая гражданская война», грозившая сделать Колорадо американским Ольстером. Тем же летом 1914 г. США обрели и свой аналог Ирландии, даже более горячий: в соседней Мексике достигла кульминации народная революция, тесно переплетавшаяся с политической борьбой по другую сторону границы.

В американском господствующем классе шел если еще не открытый раскол, как в Британии, то явное размежевание. Поборникам жесткой диктатуры («Железной Пяты», предсказанной в 1907 г. Джеком Лондоном) противостояли реформисты типа вступившего на пост президента в 1913 г. В. Вильсона; апологетам монополий – приверженцы популистских антитрестовских мер; сторонникам заокеанской экспансии – «изоляционисты». Любой неосторожный шаг мог столкнуть Штаты за черту общенационального кризиса. По всему этому позволить себе даже ограниченное военное вмешательство в европейские дела Вашингтон смог нескоро – формально через два с половиной года мировой войны, фактически – почти через четыре. Это обстоятельство явилось одной из предпосылок ее начала.

Во **Франции** центром политической борьбы непосредственно стал вопрос мира и войны. В январе 1913 г. президентом был избран Р. Пуанкаре; фраза его предшественника: «Я уступаю место войне» – дала начало хлесткому прозвищу «Пуанкаре-война». Царский посол Извольский, весьма близкий к новому президенту, извещал Петербург о «надежности» Пуанкаре, который не допустит компромиссов типа агадирского. Соучастниками стали социал-рenegаты, которым буржуазная Франция раньше других стран доверила посты вплоть до премьерского.

Законопроект о трех годах обязательной армейской службы, внесенный в марте 1913 г. не кем иным, как Мильераном, расколол Францию не менее глубоко,

чем гомруль – Британию. Социалисты и ВКТ, преодолев раскол, развернули широкую агитацию против реформы, в том числе среди солдат и офицеров. Противостоял им правомилитаристский блок, куда наряду с респектабельными буржуазными партиями влились национал-экстремисты вроде «Аксъон Франсэз» – «Французского действия». Сколачивались полувоенные банды – «Королевские парни». В буржуазной прессе нагнеталась кампания ненависти к «предателям», возводился в норму политический террор; суды присяжных неоднократно оправдывали убийц. Ударные отряды реакции позднее составили опору французского фашизма и прогитлеровского коллаборационизма.

Принятие «закона о трех годах» лишь усилило напряженность противостояния. На выборах в апреле 1914 г. социалисты добились небывалого успеха. В полном соответствии с прогнозом Энгельса «*барометр всеобщего избирательного права*» показывал «*точку кипения*», и противостоявшие стороны все более определенно «*знали, что делать*»^{xv}.

Еще более острая ситуация, принимавшая уже черты революционной, создалась в **Италии**, где «рабочая аристократия» в те годы почти отсутствовала. В Итальянской социалистической партии размежевание «максималистов» и соглашателей прошло раньше и глубже, чем в других странах кроме России. На съезде 1912 г. правые были исключены, центристы отстранены от руководства. Это было отражением исключительной остроты классового противоборства. Уже в 1913 г. бастующие рабочие атаковали префектуры и полицию, пытались даже штурмовать парламент. Весной 1914 г. кабинет мастера компромиссов Джолитти пал, расписавшись в бессилии разрядить социальную бомбу.

Взрыв грянул за считанные дни до выстрелов в Сараево. 7 июня полиция расстреляла демонстрацию в городе Анкона. Уже следующим утром бастовала вся страна, а вечером ИСП и Конфедерация труда объявили всеобщую стачку протеста. Вторая неделя июня вошла в историю под именем «Красной»: Турин, Флоренция, Неаполь, Парма покрылись баррикадами, всюду шли кровавые столкновения народа с войсками и боевиками националистов – предшественниками фашистских чернорубашечников. В некоторых провинциях, отрезанных от центра, власть перешла в руки рабочих и крестьян. Однако ни профсоюзы, ни социалисты не представляли себе, как быть дальше. Уже 10 июня КТ объявила стачку оконченной, ИСП не возражала, лишь подчеркнув в обращении к рабочим, что КТ «одна» ответственна за это решение. Забастовщики на митингах резко осуждали «вождей». Буржуазное правительство пребывало в такой панике, что на репрессии решилось лишь к концу месяца.

Только что пережитый итальянской буржуазией «великий страх» перед рабочим движением послужил, очевидно, главным фактором, отсрочившим ее вступление в мировую войну. Но он же дополнительно подтолкнул верхи соседней Австро-Венгрии к лихорадочным маневрам (в прямом и переносном смысле) с целью покрепче привязать к себе соседние с Италией югославянские провинции империи. Эти маневры непосредственно вылились в сараевский теракт и последующую атаку на Сербию.

Ближе всех европейских стран к грани революции уже накануне войны подошла **Россия**. Большевики завоевали всю рабочую курию Государственной Думы и крупнейшие профсоюзы: ¾ организованных рабочих шло за открыто революционной партией.

Набирал силу кризис верхов: в начале 1914 г. под давлением дворянства был уволен в отставку Коковцов, ставший премьером после убийства Столыпина. Несколькими месяцами раньше В.И. Ленин констатировал: «*Политический кризис общенационального масштаба в России налицо, и притом это – кризис такой, который касается именно основ государственного устройства...*»^{xvi}.

В первой половине 1914 г. бастовало полтора миллиона человек – больше, чем в начале революции 1905 г. Ровно за месяц до сараевских выстрелов, 28 мая, под руководством большевиков прекратили работу свыше 30 тыс. бакинских нефтяников. Стачечников, подвергшихся террору полиции и хозяйских наемников, поддержала рабочая Россия. 3 июля полиция расстреляла митинг солидарности с бакинцами на Путиловском заводе. Петербургский комитет большевиков призвал ответить трехдневной стачкой. 4 июля бастовало 90 тысяч, 7 июля – 130, 8 июля – 150 тысяч. В столице шли митинги и демонстрации под красными флагами. В заводских районах Питера строили баррикады. Бастовали рабочие Москвы, Риги, Варшавы; в Лодзи начались вооруженные схватки с полицией. Страна стояла перед всеобщей политической стачкой, вполне способной стать началом новой революции.

Окинув взглядом основные события в державах, входивших в блок Антанты еще до войны или примкнувших к нему уже в ее ходе, убеждаешься: все они, без исключения, летом 1914 г. находились на разных стадиях предреволюционной ситуации: формирования (США), развертывания (Великобритания, Франция) или перерастания в революционную (Россия, Италия).

9.

Несколько иначе складывалась обстановка в странах, выступивших инициаторами военных действий. (Назвать их агрессорами значило бы затушевывать практически равную ответственность обеих империалистических коалиций за вовлечение человечества в Первую мировую войну.)

В **Германии** «своеобразная предреволюционная ситуация» явно пробуксовывала. Правые и центристские лидеры социал-демократии использовали неудачи боевых рабочих выступлений для пропаганды чисто выборного пути к власти. Партия, вопреки усилиям левого меньшинства, не использовала шансы мобилизации или хотя бы политического просвещения масс.

Несмотря на крайний антидемократизм прусского избирательного законодательства, Каутский выдвинул теорию парламентского «изматывания» классового врага вплоть до «решающей» электоральной победы. Выборы 1912 г. принесли социал-демократам крупный успех – 4 млн. голосов, самую большую фракцию. Но до «решающей победы» было далеко: правый блок сохранил в рейхстаге большинство.

Политические события, которые в другой стране могли вызвать общенациональный кризис, в Германии проходили без серьезных последствий. В отличие от Франции не вызвал массовых протестов рост милитаризма. С 1909 по 1914 г. военные расходы выросли на треть, составив половину бюджета. Наиболее серьезный вызов милитаризму бросил К. Либкнехт в апреле 1913 г. – в дни утверждения рейхстагом военного бюджета. Он выступил с разоблачениями концерна Круппа и других военно-промышленных корпораций, огласив данные о монопольном завышении цен, экспорте оружия, шпионаже в государственных ведомствах. Пока существует империализм, не утратят актуальности его слова: *«Через все государственные границы простирается солидарность фабрикантов оружия в деле подстрекательства народов друг против друга; и по своему внутреннему и внешнему бесстыдству военная промышленность превосходит все проявления капитализма. Вместе с тем именно она чрезвычайно заинтересована в определенном влиянии на политику, прежде всего на внешнюю политику, на государственную власть... Всякую плотину смыкает эта волна, если только эта плотина не установлена капиталом в собственных интересах»^{xvii}*. Социалистическая пресса Англии и Франции

опубликовала выступление Либкнехта, сопровождая его обличением своих «Круппов».

Разоблачения лжи о «патриотизме» корпораций привлекли внимание народа, усилили антимонополистические настроения. Правительство было вынуждено провести два судебных процесса, а рейхстаг – приступить к проверке военной индустрии, даже поставить вопрос о ее национализации. Однако правление социал-демократической партии, игнорируя требования низовых организаций, упустило и этот шанс. По злободневной теме не было издано ни одной брошюры или листовки. Фракция социал-демократов в рейхстаге послушно вотировала налоги и кредиты на военные цели.

Фатальную роль для пораженной оппортунизмом партии сыграла смена поколений. Уход из жизни в 1912-1913 гг. П. Зингера, а затем А. Бебеля – лидеров «героической эпохи», имевших опыт нелегальной борьбы и в целом революционные убеждения, – оставил зияющую пустоту. Уже через месяц после кончины Бебеля, на Иенском съезде, новое руководство партии по существу отказалось даже от избирательной реформы. Резолюция Либкнехта в защиту главного средства ее достижения – всеобщей стачки – была провалена, его сторонников шельмовали как «фанатиков с большевистским душком».

Неудивительно, что для германских верхов не имел серьезных последствий эльзасский кризис конца 1913 – начала 1914 гг. Ленин, посвятивший ему специальную статью, подчеркивал, что сущность конфликта жителей городка Цаберн, а затем и почти всего Эльзаса, с прусской военщиной не национальная, а социально-политическая: *«Нет, не французская культура против немецкой, а воспитанная на ряде французских революций демократия восстала против абсолютизма»*. В эльзасском кризисе он видел наиболее яркое выражение общей тенденции: *«В массах мелкой буржуазии Германии изменилось и изменяется настроение. Изменились условия, изменилась экономическая обстановка, подмыты все устои «спокойного» господства дворянско-прусской сабли. Против воли буржуазии ход вещей влечет ее к глубокому политическому кризису»*^{xviii}.

Элементы кризиса верхов действительно проявились. Даже консервативный ландтаг Эльзаса встал на сторону населения. По инициативе социал-демократов рейхстаг принял резолюцию с критикой правительства, но никаких внепарламентских действий партия не предприняла. В итоге гора родила мышь: канцлера Бетман-Гольвега, едва не создавшего второй Ольстер, даже не отправили в отставку. Кайзеровская клика, при жизни Бебеля еще оглядывавшаяся на социал-демократов, не могла не увериться в безнаказанности любых авантур.

Еще дальше от революционной перспективы отстояла **Австро-Венгрия**. В этом лоскутном государстве роковую роль сыграл раскол всех общественно-политических движений по национальному признаку. Социал-демократия не только не смогла ничего противопоставить национализму, но и сама разделилась по тому же признаку наряду с профсоюзами, кооперативами и другими рабочими организациями. Этот раскол позволял габсбургской монархии, при всей ее дряхлости и крайней непопулярности, бить противников по частям. В 1912 г. была подавлена всеобщая забастовка в Венгрии, отменена конституция и введено военное положение в Хорватии, на следующий год – осадное положение в Праге. Подобные действия властей в других странах вызывали массовый отпор, а в разобщенной национализмом Австро-Венгрии – лишь террористические акты, идеально подходившие для провокаций как на внутреннем, так и на внешнем фронте.

Тем не менее участвовавшие всплески напряженности свидетельствовали о приближении бури. К лету 1914 г. империя Габсбургов столкнулась с кризисом верхов. Эрцгерцог Фердинанд, наследник престарелого Франца-Иосифа, вынашивал план преобразования дуалистической монархии в триалистическую Австро-Венгерско-Славянскую. Значительная часть австрийской и германской верхушки отвергала проект Фердинанда. Об отношении к наследнику в обществе можно судить по тому, что известие о его убийстве ничуть не опечалило венскую улицу. Семья погибшего была убеждена, что подлинных организаторов теракта надо искать в Вене и Берлине. Так или иначе, столь серьезный раскол верхов грозил стать началом конца империи, а с ней и всего германского блока.

10.

Летом 1914 г. господствующие классы Германии и Австро-Венгрии не могли не сознавать, что пока еще располагают большей внутренней стабильностью, чем державы-соперники, но рискуют лишиться этого преимущества в ближайшее время. Более того, очень скоро они могли столкнуться не с внутренне слабыми, как им казалось, противниками, а с самым грозным врагом – Революцией, готовой перекинуться на их собственные тылы.

Неудивительно, что они не пытались наперед взвесить все шансы – в столь неопределенной ситуации это вряд ли возможно, – а спешили нанести упреждающий удар. Кому? Не Николаю II, Пуанкаре или Ллойд-Джорджу, и даже не столько России, Франции или Британии, сколько призраку Революции, грозившему вот-вот обрести плоть.

Германский генштаб вопреки здравому смыслу выполнял один к одному «план Шлиффена», хотя вторжение в Бельгию делало неизбежным вступление в войну Британской империи. Скорей оккупировать Бельгию, где год назад прошла уже третья всеобщая политическая забастовка за избирательную реформу – то, чего в Германии добивались Либкнехт и Люксембург! Разрушить артиллерией, задушить голодом ненавистный Париж, пока Коммуна не встала из могилы! Потопить в крови уже покрытые баррикадами Лодзь и Домброву – пусть это даже подставит свои войска под удар русских! Лучше английские армии на континенте и британский флот у берегов, чем знамена Революции над Ирландией и, боже упаси, Англией!

Берлин цеплялся за ольстерских мятежников, пока те, добившись от Лондона принятия своих требований, не сделались из антипатриотов-германофилов патриотами-германофобами. Но ирландских националистов, казалось бы естественных союзников, поддерживать не спешил. Ведь поступить иначе значило заключить союз с Революцией, а было ли это мыслимо для буржуа и прусского юнкера?

Германия даже не попыталась, прикрывшись от Франции и России прочной обороной на коротких фронтах, воспользоваться достроенной частью Багдадской дороги – ударить по Суэцу, войти по приглашению меджлиса в Иран и создать угрозу Индии. Это был единственный шанс выиграть неравную битву с Британией. Но и он означал союз с Революцией, пусть не пролетарской, а национально-освободительной, против империи, пусть и неприятельской. Могло ли подобное уместиться в благонамеренной голове кайзеровского чиновника?

Вопреки не только законам и обычаям войны, но и здравому смыслу, германские войска отмечали свой путь массовым террором против мирного населения. Такой характер войны во все времена служит безошибочным признаком ее классового и, как правило, контрреволюционного содержания. С точки зрения военной целесообразности, было безумием отталкивать зверствами Бельгию, не имевшую исторических счетов с Германией, или Польшу, где многие

относились к немцам лучше, чем к русским. Подобным «иррациональным» деяниям, воскрешавшим ужасы Тридцатилетней войны и открывавшим подготовительный класс нацизма, есть лишь одно рациональное объяснение – необходимость задушить террором и залить потоками национальной ненависти очаги классовой борьбы пролетариата, грозившие революционизацией самой Германии.

Впрочем, война с Революцией, просвечивающая сквозь крикливо-шовинистическое облачение, не была привилегией Германии. Державы Антанты тоже не раз, особенно накануне и в начале войны, упускали возможность победы малой кровью, боясь, как бы она не оказалась победой *не их класса*.

Париж и Лондон в июле 1914 г. могли воспользоваться предложением Жореса – потребовать от Николая I, получившего германский ультиматум, согласия на британское посредничество в сербском вопросе. Правящие круги Франции и Британии могли тем самым обеспечить свои балканские и ближневосточные интересы без войны. Но это потребовало бы пойти на союз с французским пролетариатом против «Аксьон Франсез», с ирландским и английским – против банд Карсона, а главное – способствовать революции в России. Нет, лучше убийство Жореса и война!

Зеркальным отражением «плана Шлиффена» был прожект некоторых российских генералов прямо из Царства Польского маршировать на Берлин. Французского министра обороны в Петербурге заверили, что германская столица падет через месяц, и он поверил! А ведь Россия могла, даже выполняя требования союзников наступать немедленно, не распылять свои силы, а сосредоточить удар на слабейшем звене – Австро-Венгрии. При этом не ломиться через карпатские перевалы в Венгрию, еще хранившую недобрую память о карателях Николая I, а двигаться через широкий межгорный проход в Моравию и Чехию, где русских ждали как освободителей. Это спасло бы и Сербию, из-за которой, как считалось, разгорелся весь сыр-бор. Главное же – за несколько месяцев развалилась бы Австро-Венгрия, а с ней и весь германский блок; победа Антанты была бы предрешена. Но это означало союз с революционной демократией, притом славянской – опасный пример для подданных Николая III! Нет, уж лучше на радость союзникам класть целые армии в мазурских болотах и карпатских снегах. К тому же там проходили трассы между революционной эмиграцией и подпольем; может, жандармы кого и поймают, а главное, сама война накажет жителей за помощь крамоле.

Сейчас трудно поверить, что в 1914 г. России симпатизировали очень многие из жителей австрийской Галиции. Лишь после того, как по ней четырежды прокатился фронт, а раскрывшая себя прорусская часть населения была изгнана или истреблена австро-германскими карателями, страна превратилась в западноукраинскую Вандею – питомник петлюровщины и бандеровщины.

На кавказском фронте Россия могла с самого начала поддержать восстание западных армян, ассирийцев и части курдов. Открывалась возможность спасти дружественные народы и в кратчайший срок покончить с еще одним союзником Германии. Но и это означало протянуть руку освободительному движению, прежде всего армянскому, имевшему тесные связи с революционерами российского Кавказа. А что сказали бы союзники, имевшие свои виды на Ближний Восток? Да и для православной церкви армяне и ассирийцы были еретиками. Вот российское командование и вело себя примерно так же, как сейчас натовское в войне с «Исламским государством», – как бы приходило на помощь повстанцам и мирному населению, но зачастую после того, как помогать становилось некому.

Зато и царизм, и даже Временное правительство маниакально тянулись к Константинополю, мечтая облегчить своим помещикам и купцам экспорт хлеба из

недоедавшей страны. Больше ни для чего этот город не был нужен России, хуже того – достанься он ей, в следующей войне неминуемо превратился бы для ее флота и армии в европейский Порт-Артур. Да и не достался бы он России никогда – об этом заботились «доблестные союзники», как принято было вежливо выражаться в ту войну. А ведь стоило этот город, тогда еще наполовину населенный греками, вернуть Греции – и не было бы у Антанты в этом регионе более надежного союзника. Но это же опять союз с национальной Революцией...

Не утверждаю, что во всех случаях деятели, принимавшие роковые решения, ясно видели их классово-политическую подкладку (хотя Вильгельм II еще до войны говорил солдатам, что может приказать им стрелять в собственных братьев и сестер, отцов и матерей). Многое делалось под влиянием военно-политической косности или примитивного эгоизма. Яркий пример – поспешное снятие германских дивизий с решающего фронта на Марне для отражения наступления российских армий в Восточную Пруссию. Объективно этот аграрный придаток Германии в мировой войне не решал ничего. К тому же русским войскам, не имевшим осадной артиллерии, никогда бы не взять Кенигсберг и другие первоклассные крепости. Но даже ради стратегической победы невозможно ведь пожертвовать родовыми гнездами прусского юнкерства. Если бы эта, с позволения сказать, аристократия уважала свою «честь» и страну, она сама принесла бы на алтарь победы жертву, несравнимую с гибелью и страданиями миллионов соотечественников, и тем упрочила бы свою политическую гегемонию. Она, как и кайзер, и его правительство, либо мыслили и чувствовали на уровне захолустного помещика, либо боялись юнкерской фронды ольстерского типа больше, чем отравленного шовинизмом народа. Все это – лишь другая сторона той же классовой обусловленности войны.

11.

Констатация того, что в большинстве империалистических стран к лету 1914 г. сложилась предреволюционная ситуация, оказавшая непосредственное влияние на возникновение мировой войны и ее ход, ставит перед марксистской исторической теорией ряд вопросов.

Была ли в то время возможна революция, как альтернатива империалистической войне, и могла ли эта революция победить? Ответ предполагает выяснение объективного *характера* этой революции.

Во II Интернационале господствовало представление, считавшееся ортодоксально-марксистским: «экономически развитые» страны Западной Европы, включая Германию, движутся прямо к социализму (для левых социал-демократов – путем революции, для правых – путем реформ); лишь для «отсталой» России и еще более отсталых стран Латинской Америки, Азии и Африки актуальны буржуазно-демократические революции. Это представление было опровергнуто опытом 1917-1918 г., когда буржуазно-демократические революции произошли как в России, так и в Германии и Австро-Венгрии, причем в последних в отличие от первой не переросли в социалистические.

Видимо, просчет социал-демократических теоретиков обуславливался не только переоценкой уровня капиталистического развития «цивилизованного Запада» и недооценкой российского, но и запозданием теоретического осмысления качественно новой, монополистической стадии всемирного капитализма. В.И. Ленин еще в 1916 г. теоретически доказал, что империализм создает угрозу тотальной диктатуры финансовой олигархии над всем обществом, обуславливает поворот от демократии к реакции. Тем самым актуализируется не только непосредственно классовая борьба пролетариата за социализм, но и общедемократическая борьба широкого блока социальных сил против

империализма и реакции. Революционный пролетариат призван возглавить эту борьбу, и только в этом случае имеет шансы привести народ к социализму.

Хотя данные тенденции, безусловно, резко ускорила Первая мировая война, есть основания полагать, что они получили значительное развитие еще в ее канун. Этим, на наш взгляд, объясняется складывание в ряде империалистических стран предреволюционной ситуации. Отсутствие зрелых предпосылок *непосредственно социалистической* революции не означает, что не было предпосылок революции того типа, которую в середине XX века назовут *народно-демократической*, а точнее можно определить как *антиимпериалистическо-демократическую*. В случае восходящего развития революции происходило бы ускоренное формирование предпосылок ее перерастания в социалистическую.

На предотвращение такого развития событий были направлены действия господствующего класса, объективно, а отчасти и субъективно *контрреволюционные*, которые послужили одной из главных причин первой мировой империалистической войны. По объективному содержанию эту войну можно рассматривать в немалой мере как *превентивную контрреволюцию*.

Со стороны организованного пролетариата важным аспектом противодействия контрреволюции была борьба против развязывания империалистической войны. В связи с этим встает вопрос: была ли эта борьба изначально обречена на поражение, а Первая мировая война – *фатально* неизбежна?

Напомним в этой связи, что слово «фатально» появилось в терминологии коммунистов только начиная с третьей Программы КПСС. По инфицированности оппортунизмом история уже поставила этот документ в ряд с Готской программой германской социал-демократии (1875 г.), заслужившей суровую критику Маркса и Энгельса.

С точки зрения диалектического и исторического материализма, в политической истории нет ничего «фатального», т.е. не проходящего через деятельность людей, заранее запрограммированного судьбой-фатумом или всемогущим богом. Объективные законы истории определяют лишь общие пределы, в которых происходит деятельность преследующих свои цели людей, в эксплуататорском обществе – борьба классов. Необходимость, а затем неизбежность конкретного исторического события^{xix} сама формируется исторически, во взаимодействии объективного и субъективного, и говорить о ней как о сформировавшейся реальности можно лишь с определенного момента.

Представляется поэтому анахронизмом перенесение критических оценок, высказанных Лениным по адресу социал-пацифизма в годы Первой мировой войны, на предшествующий период. Одно дело – империалистическая война с утратой всех легальных возможностей рабочего движения, другое – *угроза* ее в условиях буржуазной демократии. До начала войны пролетариату следовало готовить не столько «ответ» на империалистическую войну (после августа 1914 г. иного не было дано), сколько революционное разрешение социально-политического кризиса, порождавшего войну. Этой задачи западноевропейская социал-демократия не осознала из-за механистической трактовки «*предпосылок социализма*» и переоценки их зрелости в «развитых» странах.

Представляется, что к политической линии, объективно необходимой на тот момент, из лидеров западноевропейской социал-демократии ближе всех подошел Ж. Жорес, нащупавший ее эмпирически. В случае успеха она могла послужить отправным пунктом антимонополистической, народно-демократической революции в ряде империалистических стран и тем самым предотвратить мировую войну (по крайней мере, в том межимпериалистическом варианте, в

котором ей суждено было состояться). Убийство Жореса 31 июля 1914 г., выбив решающее звено последнего шанса народно-демократической революции, явилось той исторической случайностью, которая окончательно обусловила неизбежность империалистической бойни народов.

Первая мировая война круто изменила историческую ситуацию, в том числе условия революционной борьбы пролетариата, сняв или ослабив в центрах мирового капитализма возможность народно-демократической революции и выдвинув на первый план непосредственно социалистические задачи, хотя предпосылки их решения находились лишь в стадии формирования. Конкретные факторы этого исторического поворота, его ближайшие и более отдаленные перспективы требуют отдельного исследования.

ⁱ Ленин В.И. Крах II Интернационала / ПСС. – Т. 26. – С. 219-221.

ⁱⁱ Энгельс Ф. Политическое положение в Европе / Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. – Т. 21. – С. 327.

ⁱⁱⁱ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС. – Т. 41. – С. 83.

^{iv} Там же.

^v Ленин В.И. Первый важный шаг / ПСС. – Т. 15. – С. 32.

^{vi} Яновская М. Карл Либкнехт. – М.: Молодая гвардия, 1965. – С. 73.

^{vii} Ленин В.И. Английское рабочее движение в 1912 году / ПСС. – Т. 22. – С. 271.

^{viii} Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 19. – С. 28.

^{ix} Ленин В.И. Два мира / ПСС. – Т. 20. – С. 16-17.

^x Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 19. – С. 30.

^{xi} Ленин В.И. Два мира / ПСС. – Т. 20. – С. 10-17.

^{xii} Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 20. – С. 189.

^{xiii} Там же. – С. 95-96.

^{xiv} Ленин В.И. Конституционный кризис в Англии / ПСС. – Т. 25. – С. 73-74.

^{xv} Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 21. – С. 173.

^{xvi} Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата / ПСС. – Т. 23. – С. 300.

^{xvii} Яновская М. Карл Либкнехт. – С. 111.

^{xviii} Ленин В.И. Цаберн / ПСС. – Т. 25. – С. 185-187.

^{xix} Здесь использована новаторская формулировка Е.Н. Харламенко.